

ОЧАРОВАННЫЙ СКАЗОЧНИК

С творчеством этого художника в России знакомы все. Даже те, кто никогда не открывал сборников сказок с его иллюстрациями, никогда не бывал в музеях, где выставлены его чудесные картины. Чтобы увидеть его работу, достаточно достать из кошелька рубль: на реверсе монеты – двуглавый орел, похожий на волшебную птицу из русских сказок. Этого орла с опущенными крыльями, ставшего эмблемой Центрального банка России, придумал и нарисовал сто лет назад замечательный русский художник Иван Билибин.

Текст: Ирина Опимах

Иван Яковлевич Билибин родился в 1876 году в поселке Тарховка, близ Сестрорецка, под Петербургом. Его отец, Яков Иванович, был главным врачом военно-морского госпиталя, тайным советником, а мать, Варвара Александровна, – пианисткой, ученицей Антона Рубинштейна. Мальчик в раннем детстве обнаружил способности к рисованию и, еще учась в гимназии, ходил на занятия в школу Императорского общества поощрения художеств. «Насколько я себя помню, я рисовал всегда», – позже вспоминал он. Однако после гимназии по настоянию отца все-таки пошел на юридический факультет, который окончил в 1900-м. Но рисование не забросил. На канунах учился в мюнхенской студии легендарного открывателя талантов словенского художника Антона Ашбе. Потом занимался в Тенишевском училище в мастерской Ильи Репина и поступил в Высшее художественное училище Академии художеств. Это было чудесное, веселое время. Владимир

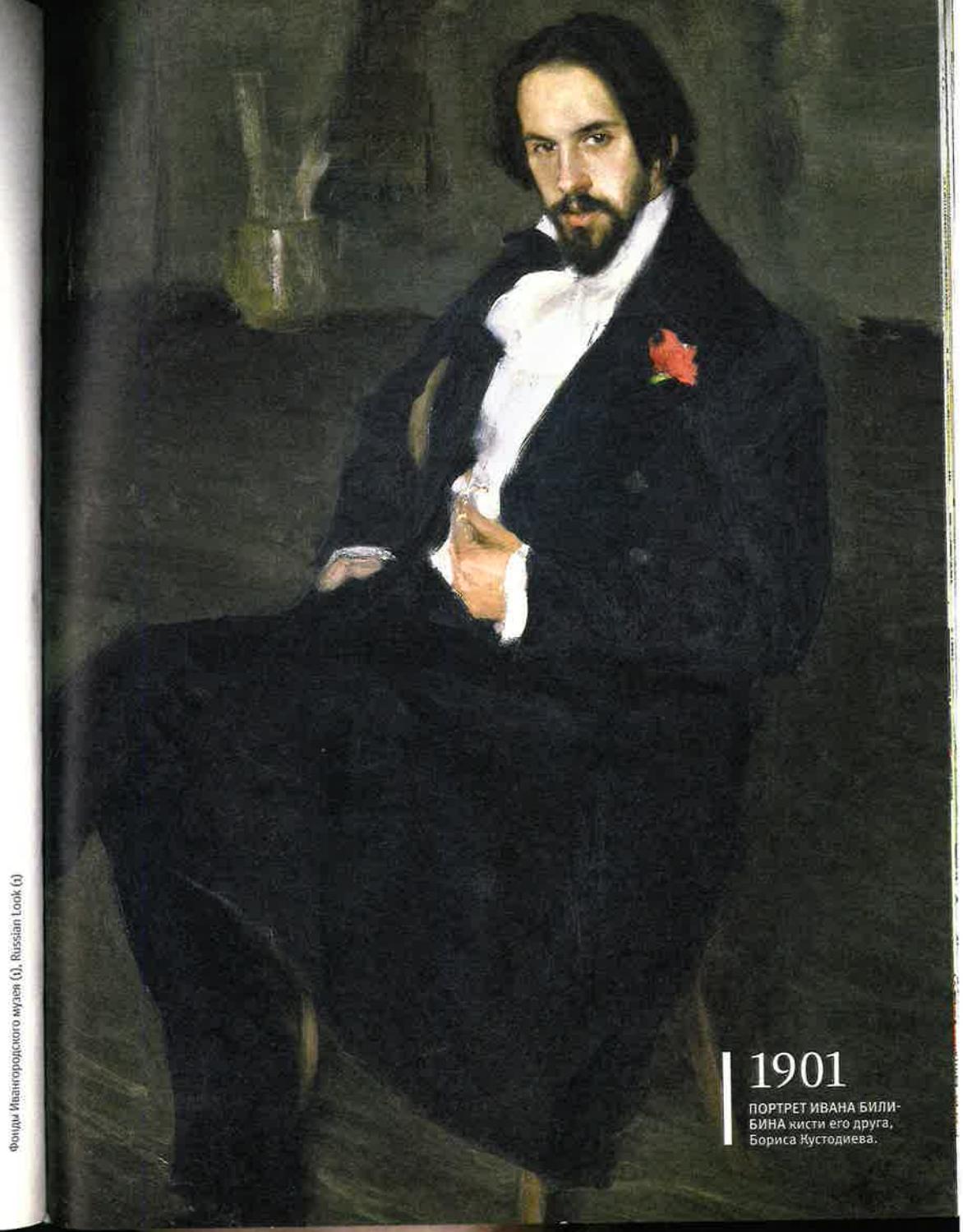

ВАЛЯ БИЛИБИН –
ученик Первой класси-
ческой гимназии. Петер-
бург. 1892 год.

Левитский, соученик Билибина по Тенишевскому училищу, вспоминал: «Наши знаменитые «пятницы», вечеринки славились среди учащихся и особенно в академии... Веселились вовсю, раз дело дошло до того, что под на- ми у самой Тенишевой в ее дворце упала люстра с потолка...»

Среди молодых художников и художниц царствовала любовная атмосфера, – сообщает Левитский. – Потом несколько пар переженились...» Вот и жизнь молодого Билибина, «жизнерадостного, – как описывал его Левитский, – черноватого, с большой для его лет бородой студента с курьезной подпрыгивающей походкой», была заполнена не только работой и искусством. Иван подолгу любезничал во время занятий с милой и талантливой Машей Чемберс. Машин отец был ирландец, и звали его Джеймс Стивен Чемберс, а мама у нее была чистая англичанка – Элизабет Мэри Пейдж. Маше было легко и интересно с Билибиным, и в 1902 году они поженились.

>> Фонды Ивангородского музея (I. Russian Look 6)

1901

ПОРТРЕТ ИВАНА БИЛИБИНА худи его друга,
Бориса Кустодиева.

ИЛЬЯ РЕПИН
и его ученики.
Билибин – крайний
справа. Санкт-
Петербург. Начало
1900-х годов.

< БИЛИБИН УВЛЕКАЛСЯ рекламным плакатом и разработкой фирменного стиля для предприятий. Он, в частности, создал этикетки и плакаты для харьковской пивоварни «Новая Бавария». 1896 год.

▲ ИЛЛЮСТРАЦИЯ к «Василису Прекрасному». 1899 год.

В те годы петербургские молодые художники были увлечены национально-романтическими идеями, которые привезли в столицу московские мастера – Васнецов, Поленов и другие. Увлекся русской темой и Билибин. Особенное впечатление на него произвела «Богатыри» Васнецова. В 1899 году Иван познакомился с Сергеем Дягилевым, признанным вождем молодых непровергателей всяческого академизма, объединившихся вокруг журнала «Мир искусства». Там работали Николай Рерих, Александр Бенуа и другие. Все они были яркие, талантливые, необычные во всем, но Иван Билибин выделялся даже на этом фоне. Мстислав Добужинский, один из членов объединения «Мир искусства», вспоминал: «Билибин был забавный, остроумный собеседник (заикался, что придавало особую прелест его шуткам) и обладал талантом, особенно под влиянием вина, писать шуточные высокопарные оды под Ломоносова. Происходил он из именитого петербургского купеческого рода и очень гордился принадлежавшими ему двумя портретами предков кисти самого Дмитрия Левицкого (академик живописи, мас-

тер парадного портрета. – Прим. ред.). Сам Билибин носил русскую бородку *a la тоцкij* и раз на пари прошелся по Невскому в лаптях и высокой войлочной шапке-гречинке...»

В 1902 году увлеченный историей России и древнерусским искусством Билибин по заданию этнографического отдела Русского музея Императора Александра III отправился в Вологодскую, Архангельскую, Олонецкую и Тверскую губернию изучать древнюю архитектуру и народное искусство. «Только совершиенно недавно, точно Америку, открыли старую художественную Русь, вандальски искалеченную, покрытую пылью и плесенью. Но и под пылью она была прекрасна...» – писал он. Материалы его поездок легли в основу нескольких статей, опубликованных в русских журналах, а фотографии Билибин передал Игорю Грабарю, писавшему в то время «Историю русского искусства».

Вдохновленный увиденным, Билибин иллюстрировал русские народные сказки – «Царевну-лягушку», «Марью Моревну», «Сказку об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером

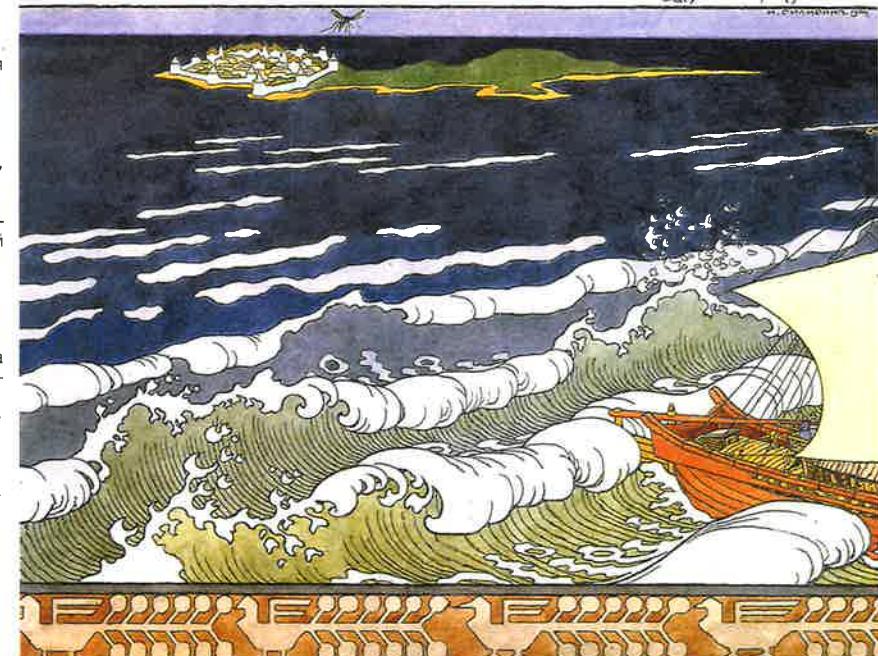
△ «ЦЕРКОВЬ В ПОГОСТЕ КИЖИ». Одна из фотографий, сделанных Иваном Билибиным в поездке по Русскому Северу. Опубликована в журнале «Мир искусства». 1904 год.

«СКАЗКУ О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

с иллюстрациями Билибина издала Экспедиция заготовления государственных бумаг, которая печатала банкноты, кредитные билеты и бланки, нуждавшиеся в защите от подделки. Управляющий экспедицией князь Борис Голицын и его коллега изобретатель Георгий Скамони, которым надоела казенная продукция, решили под видом возрождения древнерусских традиций печати помочь молодому художнику. Роскошно изданные книги мгновенно сделали Билибина знаменитым.

1905 год.

galabiographia №3

galabiographia №3

▲ «ЗАКАТ». Даже в пейзажах Билибин создавал ощущение сказочной красоты. 1896 год.

«Волке» и другие. Чудесные, волшебные картины к детским книжкам – яркие, поистине сказочные, с массой тонких, характерных деталей, сразу же сделали его имя известным. Конечно, и до него художники иллюстрировали сказки, но именно Билибин разработал основные принципы книжной графики, которые не потеряли актуальности и в наше время. А главное, он создал свой, билибинский стиль.

А потом в жизнь Билибина вошел театр. Его эскизы театральных костюмов и декораций красивы и точны – прежде чем начать работу, он тщательно изучал эпоху, стили, культуру времени и страны, где происходило действие спектакля. Билибин сотрудничал с труппой Дягилева, делал эскизы костюмов и декорации к операм «Золотой Петушок» Римского-Корсакова и «Борис Годунов» Мусоргского.

В 1905 году страну захлестнула первая русская революция, люди были охвачены революционным подъемом, и Билибин – тоже. Так в сатирическом журнале «Жупел», возникшем по инициативе Максима Горького,

< > ЭСКИЗЫ костюмов для оперы Николая Римского-Корсакова «Золотой Петушок». 1909 год.

Wikimedia Commons (3), Russian Look (4), Blj «Монетный двор» (1)

▲ «ОСЕЛ» – карикатура Билибина для журнала «Жупел» и придуманная им эмблема журнала. В начале XX века не нужно было объяснять, что слово «жупел» на церковнославянском языке означает горящую серу или смолу для наказания грешников. 1905 год.

▲ ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ были созданы Билибиным по заказу князя Дмитрия Голицына (более известного под литературным псевдонимом Дмитрий Чертков), возглавлявшего так называемое Мариинское ведомство, управлявшее благотворительностью в Российской империи. 1910 год.

▲ ЭСКИЗ Билибина к одной из марок серии, посвященной зоо-летию дома Романовых, празднование которого состоялось в 1913 году.

появились antimонархические карикатуры И.Я. Билибина. Особенно широкий резонанс имела карикатура Билибина, напечатанная в третьем номере «Жупела»: осел, олицетворение глупости, а внизу два грифона (трифон – символ дома Романовых. – Прим. ред.).

Позже, когда власти нещадно карали всех, замешанных в беспорядках, пострадал и Иван Яковлевич. «К Билибину на квартиру явились жандармы, – вспоминала Анна Остроумова-Лебедева, – и после тщательного обыска арестовали его... Редакция была разгромлена, и весь материал увезен». Билибину повезло – через сутки его выпустили на свободу. Удивительное дело – сотрудничество

с «Жупелом» не помешало ему в 1909–1912 годах создать серию марок, посвященных 300-летию дома Романовых. Билибинские эскизы для марок получили высочайшее одобрение!

Кажется, у художника в сутках было не 24, а 25 часов. Он успевал все – работал в театре, оформлял журналы, преподавал.

Его уважали, ценили, а многие любили. Билибин – человек красивый, удивительного обаяния, остроумный, веселый. Светский лев. Вокруг него всегда люди. Он обожал русское искусство, иконы, расшитые сарафаны и кокошники, однако хорошо знал и ценил западноевропейскую живопись. За безукоризненную четкость линий Билибина прозвали >>

> ЭТУ ФОТОГРАФИЮ МАРИИ ЧЕМБЕРС в народном костюме сделал Билибин. После расставания с ним в 1917 году Мария с детьми уехала в Швейцарию, а затем перебралась в Англию. Продолжала заниматься искусством. Ее старший сын Александр стал художником, в 1927–1936 годах приезжал к отцу в Париж, и Билибин многому его научил. Младший сын Иван стал известным журналистом.

▀ БИЛИБИН у портрета своего прадеда Я.И. Билибина кисти художника Д. Левицкого. Петербург. 1910 год.

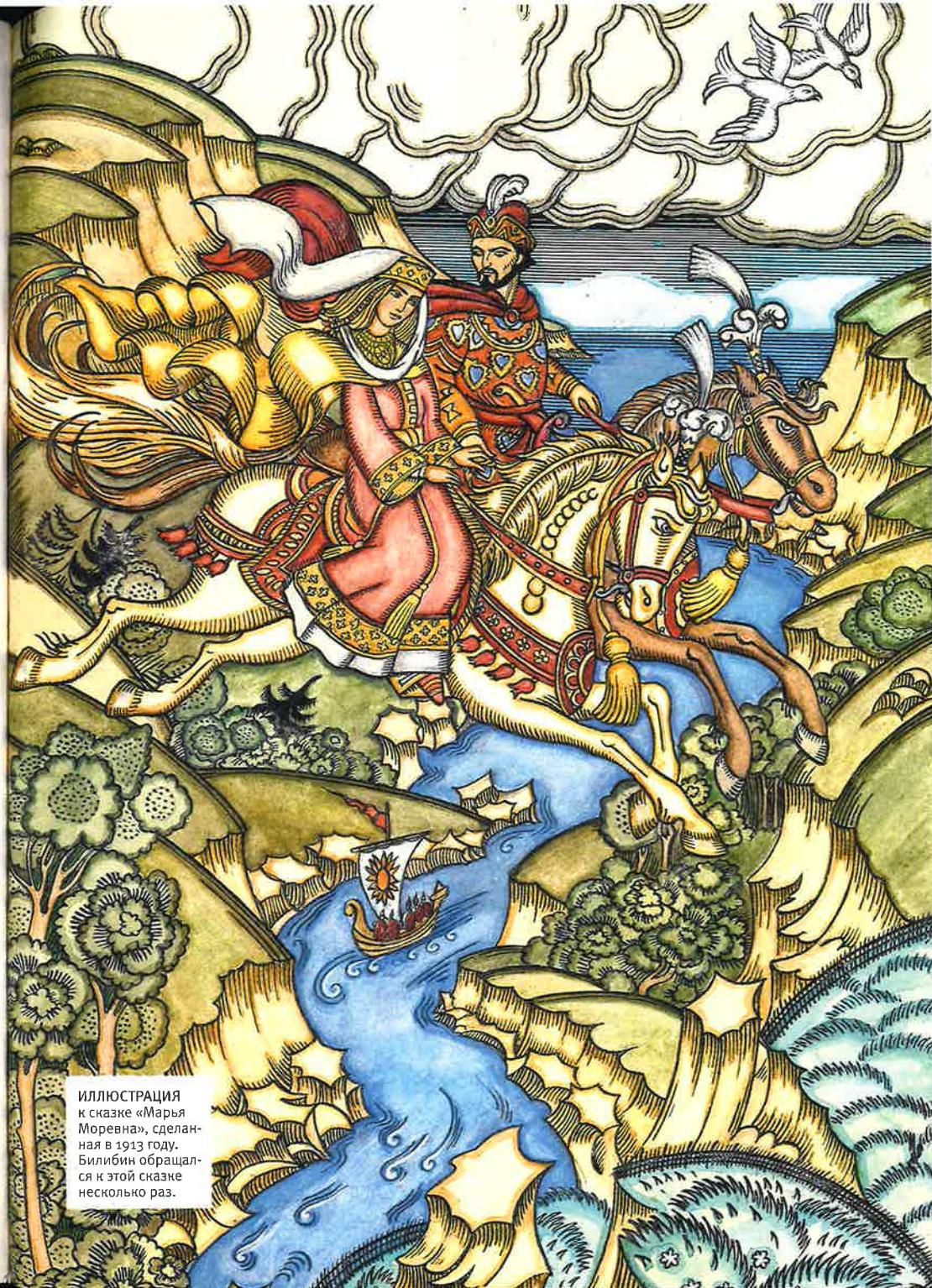

Иван – Железная Рука, но в душе его не было никакого металла. Он был мил, добр и по-европейски воспитан. Вот только был у него один недостаток – как многие русские люди, любил он выпить и часто не знал меры. Эта его пагубная привычка не могла не оказываться на семейной жизни. Казалось бы, вроде все шло неплохо – у них родились два мальчика, Александр в 1903 году и Иван – в 1908-м, и у обоих родителей все неплохо складывалось в искусстве, но Марии очень не нравилось видеть своего мужа пьяным. Он просил прощения, обещал, что это – в последний раз, и снова и снова нарушал свои обещания. Более того, он даже выработал для себя определенную философию пьянства. «Вот я люблю пить вино, – признался он. – Это порок и очень скверный. Это, может быть, окончательная преграда для других людей, у которых есть гостиная, столовая, детская и все, но для людей искусства это очень большая, обидная, словом, неприятная помеха, но не преграда. Ведь мы, имея крылья, можем перелететь через нее на зеленый луг с цветами!» Марии было трудно: двое детей, к тому же у старшего сына, Саши, после скарлатины развелась глухота. А тут еще запой мужа... Однажды, не выдержав, она ушла. Ушла из его жизни навсегда, забрав с собой их двух сыновей. Случилось это в 1911 году.

Однако этот жизнелюб и дамский угодник долго оставаться один не мог. В 1912 году рядом с ним уже была другая женщина: тоже художница и тоже иностранка – ирландка. Звали ее Рене О'Коннелл. 21 год от роду, невероятно хороша собой, талантлива. К тому же почти парижанка – родилась в Париже и приехала в Россию совсем недавно, два года назад. Билибин был ее преподавателем в школе Императорского общества поощрения художников. И, как это часто бывает, она влюбилась в своего учителя. Да и как было в него не влюбиться – веселого, остроумного? Ей нравилось, как он, чуть приплясывая, пел смешные частушки, вроде: «Ой, девицы, / По горошенке, / Хоть по маленькой / Да хорошенъкой!», а потом, выпив рюмочку, вместо бубна приносил из кухни какой-нибудь таз или решето и продолжал: «Под горку шла, / Решето несла / Уморилась, уморилась, / Уморилась...»

Переезжая в его дом, Рене не знала, сколько горя принесет ей этот человек, не знала, как быстро, когда он выпьет, уходит его хорошее настроение, как быстро исчезает его тонкий >

фонды Ивангородского музея (2). Russian Look (1)

▲ «РУЧЕЙ». Иван Билибин. 1917 год.

юмор и остается только злость от того, что она в очередной раз спрятала бутылки, – ведь остановиться он мог, только опустившись все их запасы. А затем эти пьяные слезы, и эти вечные обещания, что он больше никогда, а потом все снова... Однако Билибин любил Рене, и однажды – в 1917 году – они заключили пари: он не будет пить целый год, но уж если сорвется, то обязательно отпустит ее на свободу. Он очень старался, но не выдержал столь сурового испытания – запил. И Рене ушла.

В январе 1917 года Билибин стал академиком Академии художеств, а в феврале все в стране изменилось. Революция... Члены Временного правительства решили, что России срочно необходим новый герб, без короны. В рабочую группу включили Билибина. Проникнувшись важностью задачи, художник убрал у орла корону,

▲ ЭМБЛЕМА РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ работы Билибина. 1917 год.

скипетр и державу и опустил его крылья вниз. Народ прозвал новый герб «ошипанной курицей», но, так или иначе, заказчикам билибинский орел понравился, и его изображение поместили на государственные печати и новые бумажные деньги. Пережила эта «ошипанная курица» и Октябрьскую революцию – первые советские деньги печатали с той же символикой. Да и теперь мы видим ее на российском рубле (исключение – монеты чеканки 2016 года. – Прим. ред.).

Февральскую революцию Билибин в общем принял – он даже стал членом Особого совещания по делам искусства, работавшего под председательством Горького при Временном правительстве. А вот Октябрьский переворот утонченный эстет Билибин принять не смог – уехал в Крым. Еще в 1912 году группа московских и петербургских интеллигентов – среди них были писатели Владимир Короленко, Александр Куприн, Сергей Елпатьевский, Евгений Чириков, профессора Абрам Иоффе, Владимир Вернадский и другие – выкупила земельный участок на Южном берегу Крыма в местечке Батилиман, чтобы построить там дачи. Билибин тоже был одним из пайщиков. По жребию ему достался отрезок земли у самого моря, на котором уже стоял рыбачий домик. К дому Билибин пристроил небольшую мастерскую и с тех пор по окончании занятий в школе Общества поощрения художников отправлялся в Батилиман и возвращался в Петербург только осенью. Он очень любил этот кусочек крымской земли – ему там всегда хорошо работалось. Вот туда он и уехал. Без дела не сидел – сотрудничал в местных журналах, рисовал плакаты для деникинского информационного агентства... В Крыму у Ивана Яковлевича появилась и новое сердечное увлечение. Объектом его страсти стала Людмила, дочь писателя Евгения Чирикова. Она выросла на его глазах – совсем недавно была маленькой девочкой, а теперь стала взрослой барышней,стройной, скучастой, с большими выразительными глазами. К тому же она брала у него уроки живописи. И увлекающийся Билибин влюбился.

Уехав в октябре 1918 года в Ялту, где выставлялись его и Людмины картины, Билибин писал ей в Батилиман: «Из ложно-

го стыда перед всякими возможностями я уже долго боялся сказать Вам это слово из пяти букв, слово с двумя буквами «ю», милое волнующее слово... Если бы Вы знали, какое я переживаю хорошее время! Не выставка (это вздор), а нечто совершенно иное превратило все мои нервы в струны какого-то инструмента, и на душе у меня сплошная музыка. Возраста нет. Я молод, как мальчишка».

мия была уже близко, и сестры Чириковы приняли решение покинуть Россию. За любими последовали и Билибин. 7 марта 1920 года они взошли на борт корабля «Саратов». «С волной беженцев отплываю на пароходе в неизвестном направлении», – писал Билибин. Плыли в Константинополь и думали, что путешествие будет недолгим, но на корабле началась эпидемия тифа, а потому его не при-

«Если бы вы знали, какое я переживаю хорошее время. НА ДУШЕ У МЕНЯ СПЛОШНАЯ МУЗЫКА»

Но все осложнялось тем, что юная красавица не отвечала ему взаимностью, хотя и не отвергала его ухаживания. Вот почему полный надежд художник последовал за сестрами Чириковыми – Людмилой и Валентиной – в Ростов. (Их родители еще раньше уехали в Севастополь, позже – в Константинополь.) Потом был Новороссийск, где сестры заболели тифом; они лежали обритые в больнице, а Билибин как мог за ними ухаживал. Но вскоре в Новороссийске стало опасно – Красная ар-

мия ни в Константинополе, ни в Фамагусте. Пассажирам было дозволено сойти на берег только в Египте, в Александрии.

Случилось это после мучительного трехнедельного плавания 26 марта 1920 года. Поначалу всех поместили в карантин, а затем – в лагерь русских беженцев в Тель-эль-Кебире, под Каиром. «Именно тогда, – вспоминала Людмила, – Билибин потерял равновесие и запил. Для меня это была первая и трагическая встреча с его алкоголизмом... Жизнь >>

ГРИПФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2b
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Профилактика и лечение
ГРИППА и ОРВИ
даже для
будущих мам и малышей
с первых дней жизни

FIRN БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firnm.ru

ГРИПФЕРОН®
СПРЕЙ
Интерферон альфа-2b
10 мл
ГРИППА
Интерферон альфа-2b
10 мл
ГРИППА
Интерферон альфа-2b
10 мл

Per.ЛП-000089/01 Per.ЛП-001503

МЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМО ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

его выбивалась всякий раз в такие периоды на добрые две недели...» Заботу о беженцах взяли на себя английские колониальные власти. Чем могли поддерживать соотечественников и бывшие царские дипломаты. Они-то и познакомили Билибина с греческим магнатом Бенаки, который заказал художнику картину, и тот тут же взял себя в руки.

Египет привлек Билибина. «Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, когда я впервые попал в старинные мусульманские кварталы Каира, с изумительными мечетями первых времен хиджры, с его рынками и его толпой», — писал впоследствии художник. — Мне казалось, что передо мною ожила одна из страниц «Тысячи и одной ночи», не верилось, что все это существует в натуре».

Бенаки заказал Билибину огромное декоративное панно (5,5 на 2,5 метра) в византийском стиле. Под эту работу Иван Яковлевич получил солидный аванс и снял небольшой дом в самом центре Каира, на улице Антикхана. Там была просторная мастерская, которую он назвал «Антикханией», и две жилые комнаты. Себя художник величал «Иоанном из Антикхании». Нашлись и помощники — ну, конечно, его Людмила, а также некий Есаял и бывшая его ученица Ольга Сандер. Потом появились и новые

заказы — богатым местным греческим купцам стиль Билибина пришелся по вкусу, и они щедро платили художнику за работу.

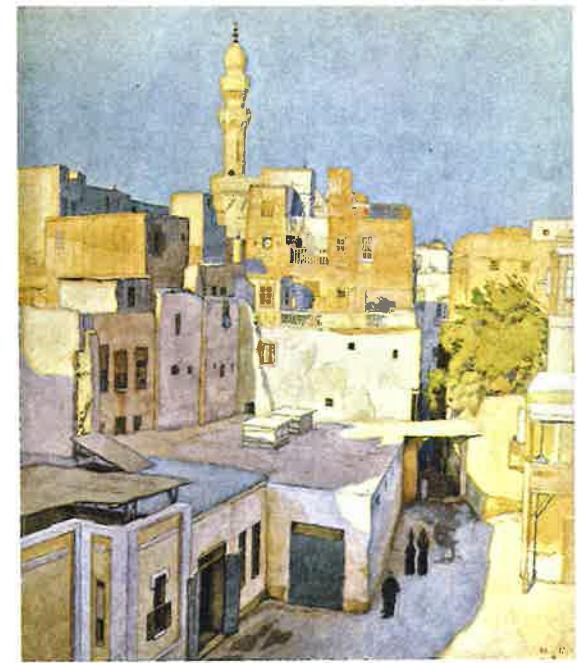
Он трудился не покладая рук, порой, когда бывало особенно тошно, напиваясь, но по-прежнему любил Людмилу. И все время писал ей письма, даже когда она была рядом: «О, звезда моего сердца», «О, гранатовое дерево в цвету!», «О, источник жизни в пустыне моего сердца» — так по-восточному он обращался к ней. «Если бы Вы ответили на мою любовь искренне и с радостью, то был бы период великого счастья, может быть, такого, какого никогда в своей жизни и не испытала... Я пока еще совсем не старик. Я могу еще так же пылко любить, как и юноша. Но маятник часов мерно отстукивает время. Которое льется безостановочно и неуклонительно». Он, как мог, пытался убедить Людмилу выйти за него. «Пересмотрите, если хотите, еще раз мои карты. Мне 46 лет. Я хороший художник. Старость близка... Вас я носил бы на руках, старался бы, насколько могу, не ревновать, обриться бы, если бы, если хотите, совершенно отказался бы от вина, был бы Вам другом и учителем...»

Но любовь его так и осталась безответной. Людмила была готова ему всячески помогать, но разделить его столь пылкое, даже слегка

пугавшее ее чувство — не могла... Он казался ей стариком. И у нее была своя жизнь — она поступила танцовщицей в русскую танцевальную труппу, имела успех. А тут еще импресарио купил ей дорогой костюм, и Билибин, взревновав, совсем пустился в страшный запой, поняв, наконец, что их роман, по сути так и не ставший романом, вот-вот кончится — Чириковы обосновались в Европе, и Людмила засобиралась к родителям. Когда она уехала в Берлин, Билибин, чтобы не потерять с ней связь, предложил ей быть его берлинским агентом, выслал деньги. Он писал ей длинные письма, признавался в любви, страдал. До тех пор, пока в одном из писем она не рассказала, что встретила в Берлине своего старого друга... Это случилось в 1922 году, жизнь художника в Египте наладилась, но в душе была пустота — он решительно не мог жить без любви. И тут почтальон принес письмо из России — от Шурочки Щекатихиной-Потоцкой, его бывшей ученицы. Затем она училась в Париже у Феликса Валлоттона и Мориса Дени. Работала в театре, участвовала в выставках. Когда-то она дружила с его бывшей женой Рене, бывала в их доме. Потом вышла замуж — за присяжного поверенного Николая Потоцкого. Брак был вполне счастливый, родился сын, но спустя пять лет после свадьбы, в 1920 году, Шурочка овдовела, оставшись одна с маленьким сыном. Но она не отчаялась — нашла работу на фарфоровом заводе: расписывала посуду, делала скульптуры. Вот теперь она вспомнила о Билибине и написала такое хорошее, теплое письмо. И он растерялся. Первое его движение — написать Людмиле.

«Я много писал Вам в эти дни писем, но все рвал. ... Когда от Вас долго не бывало писем, я всегда находился в тревожном состоянии. Так было и тут. Два вторника прошли без писем, на третий приходит почтальон и приносит мне небольшое письмо от Шурочки Щекатихиной, написанное самыми нежными словами. Через час приходит другой почтальон и приносит открытку от Вас, где Вы пишете о возобновлении Вашей дружбы с Дроздовым. У меня просто замерло сердце, и я решил, что вообще, конечно дело...»

А потом под влиянием бокала вина он отправил Шурочке телеграмму: «Будьте моей женой. Жду ответа». И вскоре получил ответ: «Согласна

▲ «АРХИТЕКТУРА ВЕЛИКОЛЕПНАЯ, старины очень много, и тут же кругом базары, лавочки, торговцы, нищие, бедуины, негры, верблюды, разукрашенные ослики, ковры, сладости, фрукты — словом, садись и рисуй восточную сказку», — писал художник. Каир. 1921 год.

при условии не разлучаться с сыном». Он сомневался, правильно ли делает, ведь он не видел Шурочку несколько лет, и снова написал несколько путаных, полных признаний писем Людмиле, но сам он для себя все решил.

Корней Чуковский вспоминал в своем дневнике: «Вчера вечером был у Замирайло. Я поговорил с ним о Щекатихиной: «Да ей Билибин присыпает такие теплые письма и телеграммы, что в Питере становится оттепель: все начинает таять. Вот она вчера уехала, и сегодня впервые — мороз!» Об их романе говорили и в Петербурге, и в Каире. И действительно, судачили

местные русские дамы, одно время ходили слухи, что он заболел, умер, а он, представьте, вполне жив и даже готовится жениться.

13 февраля 1923 года в порт Александрии пристал корабль «Семирамида». Среди пассажиров, сошедших на берег, была Шурочка Щекатихина-Потоцкая. Ее отъезд из СССР был оформлен как командировка «для изучения фарфорового производства в Берлине». Рядом с ней шел >>

< В ЕГИПТЕ. Слева направо: Иван Билибин, Ольга Сандер, Людмила Чирикова. 1920 год.
▲ ПОРТРЕТ ЛЮДМИЛЫ ЧИРИКОВОЙ. Билибин написал его в 1922 году. Людмила сохранила этот портрет, а также письма художника и незадолго до смерти передала их в Советский фонд культуры.

▲ ИВАН БИЛИБИН И АЛЕКСАНДРА ЩЕКАТИХИНА-ПОТОЦКАЯ в их каирской мастерской. Справа – ее сын Мстислав. 1923 год.

> АЛЕКСАНДРА обжигает фарфор во дворе дома. Египет. 1924 год.

Фонды Ивангородского музея (3)

ОТНЫНЕ ОН
БЫЛ НЕ ОДИН –
РЯДОМ С НИМ
ОКАЗАЛСЯ
ВЕРНЫЙ ПРЕ-
ДАННЫЙ ДРУГ.
МОЛОДАЯ,
ТАЛАНТЛИВАЯ
И ОЧЕНЬ МИ-
ЛАЯ ЖЕНЩИНА

Лиризовала труппа Анны Павловой, и Билибин с огромным увлечением делал эскизы декораций и костюмов для ее спектаклей, ведь он всегда любил театр. У Билибина и Шурочки были деньги, и летом 1924 года они осуществили свою давнюю мечту – отправились в путешествие по Сирии

мальчик – ее сын Мстислав. На берегу их встречал возбужденный, помолодевший Билибин. Отныне он был не один – рядом с ним оказался верный преданный друг. Молодая, талантливая и очень милая женщина. Из голодного, холодного Петрограда Шурочка попала в совсем иной мир – мир восточной сказки, ярких красок, пряных запахов. Дом Билибина находился в старом районе, и они любили гулять по старым улочкам, по рынку, где, с удовольствием торгуясь, находили редкие, старинные вещички. И наслаждались счастьем – они так хорошо понимали друг друга. Он даже стал меньше пить. Конечно, Шурочка помогала мужу, но и работала самостоительно – из Петрограда получала заказы от завода и отправляла эскизы. И у него дела шли хорошо – он создавал декоративные панно для особняков местных богачей, писал портреты членов их семейств. В 1923 году в Каире гастролировала труппа Анны Павловой, и Билибин с огромным увлечением делал эскизы декораций и костюмов для ее спектаклей, ведь он всегда любил театр.

«Почти все работы с той выставки ушли в Америку и Грецию», – вспоминал приемный сын Билибина Мстислав Потоцкий. Они получили хорошие деньги, которые оказались очень кстати. Шурочеке >>

1924

«АНТИКХАНИЯ»

МАСТЕРСКАЯ БИЛИБИНА
в Каире. Египетский период стал одним из самых плодотворных и счастливых в жизни художника

> «ЕГИПЕТСКИЙ ПЕЙЗАЖ». «Это так прекрасно, так просто, проникновенно и так величественно», – писал о Египте Иван Билибин.

1920-е годы.

ИВАН
БИЛИБИН
у подножия
египетских
пирамид.
1920-е годы.

предложили участвовать в парижской Всемирной выставке – ее фарфор планировалось показать в советском павильоне, и они решили перебраться в Париж. Последней работой Билибина в Египте стали несколько икон для местного православного храма.

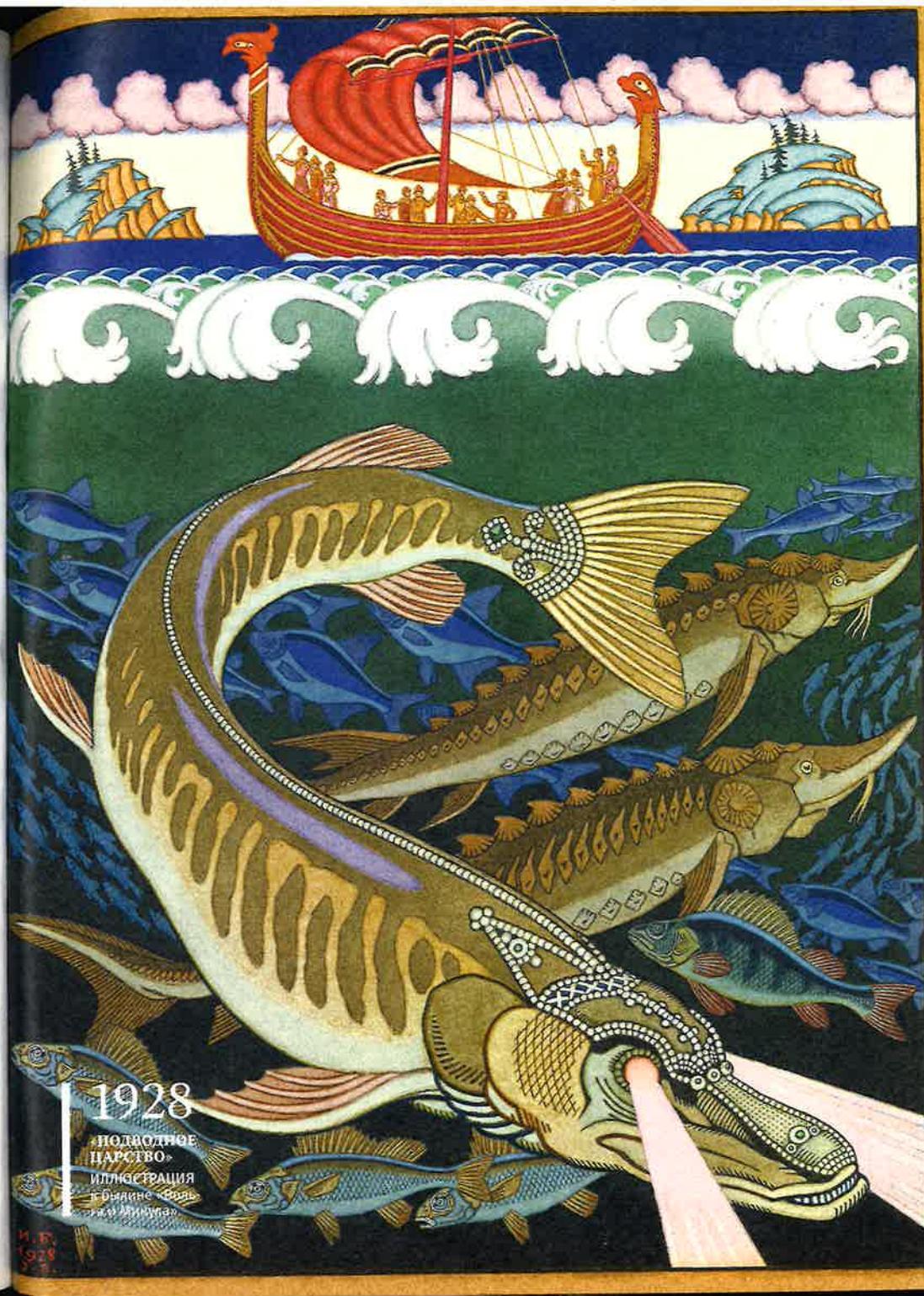
Они сняли квартиру в доме 23 на бульваре Пастера – большую, светлую, с огромными окнами. Рядом устроили удобную мастерскую. Вскоре их дом знала вся русская эмиграция. По средам у Билибина был гостевой день. Кто тут только не бывал! Иван Бунин, Саша Черный, Иван Мозжухин, Александр Бенуа, Константин Коровин и многие другие. Все получали удовольствие от интересных бесед и вкусных блюд – хозяева не скучились на угощении. Когда деньги заканчивались, ужины станови-

лись скромнее, но ненадолго. Работы Шурочки пользовались большим успехом – прекрасно прошла ее выставка, потом вторая. Мадам Чека-Потока – так ее звали, поскольку фамилия была для французов слишком сложна, стала парижской знаменитостью.

Однажды Шурочка получила письмо с предложением заказа. Для обсуждения условий ее пригласили в особняк, расположавшийся в самом дорогом районе Парижа. «Видишь, это напротив президентского дворца, – пошутил Билибин. – Поэтому, когда речьйдет о цене, сначала посчитай до 50, определи сумму для себя, затем умножь на пять и произнеси полученное число». И вот Шурочку приняли в этом особняке. Заказ был такой – сделать морской сервиз. Когда зашла речь о цене, она сделала все, как советовал Билибин. А потом спросила имя заказчика. Оказалось, это был барон Ротшильд. В общем, нужно было умножать не на 5, а на 10... Однако денег, полученных от Ротшильда, все-таки хватило на покупку маленького домика на берегу Средиземного моря, в местечке Ла-Фавьер.

Они прожили во Франции десять лет. За эти годы Билибин сделал очень много. Работал в театре, придумывал декорации, делал эскизы костюмов, иллюстрировал сборники сказок – русских, французских, немецких, арабских. «Французские рисунки Билибина оказались столь же блестящими, как и его иллюстрации к русским былинам и сказкам», – писал Бенуа. А еще Иван Яковлевич рисовал афиши,

Russian Look (2), фонды Ивангородского музея (1)

< ▲ БИЛИБИН в костюме, сшитом по его эскизу для балета Стравинского «Жар-птица», и в мастерской среди художников и портных, выполнивших по его эскизам костюмы и маски к балету. Париж. 1931 год.

ЗАКАЗОВ СТАЛО МЕНЬШЕ,
БИЛИБИН И ШУРОЧКА ВСЕ ЧАЩЕ
ОБСУЖДАЛИ,
НЕ ВЕРНУТЬСЯ
ЛИ В РОССИЮ

придумывал торговые марки и создавал рекламу, в которой был настоящим пионером. Выставки его живописи проходили в крупнейших городах Европы. Но времена менялись, менялась мода, и новые стили приходили на место старых. Заказов стало меньше, Билибин и Шурочка все чаще обсуждали, не вернуться ли в Россию. В письме к другу художник писал: «Порою меня очень тянет в Россию... Я стал более ярым националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей культуры – англичан, французов, итальянцев и пр. Только сейчас начинаю чувствовать, что мы потеряли...» А потом наступил экономический кризис. Закрылись русские театры и издательства, работы стало меньше, и, понятное дело, ее давали скорее французам, чем русским эмигрантам. Как-то некий издатель предложил ему взять французский псевдоним. Это стало последней каплей – художник решил ехать в Россию. Его звали в Америку, но, говорил Билибин, русский художник может жить только в Париже

или на родине. В 1935 году он отправил письмо Исааку Бродскому, тогдашнему главе Академии художеств СССР. «Я уже несколько лет мечтаю вернуться на Родину и работать для нее по моей специальности. Жить здесь, в погрязшей в кризисе культурной Европе, трудно, главным образом, морально. Ассимилироваться с другим народом я не могу», – писал он, не забывая о необходимых идеологических формулировках.

Вопрос о его возвращении решался на самом высоком уровне. Были в Москве и такие, кто не приветствовал его приезд. Но помогло знакомство Билибина с Владимиром Петровичем Потемкиным, послом СССР во Франции. Они сдружились, когда Билибин делал панно «Микела Селянинович» для советского посольства в Париже. Так или иначе, вопрос о возвращении Билибина и его семейства был решен положительно, и 16 сентября 1936 года на теплоходе «Ладога» Билибин прибыл в Ленинград. Его встретили прекрасно, устроили торжественный прием в горсовете, дали место профессора в графической мастерской Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств.

Билибины поселились на Петроградской стороне, в доме 25 на Гулярной улице, недалеко от мечети – когда в городе было холодно, промозгло, вид мечети напоминал им о жарком солнце Каира... Иван Яковлевич был счастлив. Он не замечал, что многие деятели культуры, как он, вернувшиеся в страну из эмиграции, становились жертвами сталинских репрессий. Билибину повезло – его не тронули, давали работать: он преподавал, лучшие издательства страны выпускали книжки с его иллюстрациями, в лучших театрах страны шли оформленные им спектакли. Ему присвоили звание доктора искусствоведения.

Когда началась война, Билибину предлагали эвакуироваться, но он предпочел остаться в своем любимом городе. Несмотря на голод, блокаду, Ленинград жил. На заводах работали в три смены, не смолкало радио, Шостакович писал Седьмую симфонию, а Билибин не выпускал из рук кисти. В начале сентября, когда еще можно было уехать, его парижский друг Потемкин, ставший наркому просвещения, лично просил Билибина эвакуироваться. Но 65-летний художник отказался. «Из осажденной крепости не бегут, ее защищают», – заявил он. И он защищал родной город >>

Фонды Ивангородского музея (4)

▲ БИЛИБИН перед возвращением в Россию. Париж. 1936 год.
< ДОКТОР ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, профессор Иван Яковлевич Билибин (стоит второй слева) в графической мастерской Института живописи, скульптуры и архитектуры. Ленинград. 1939 год.

как мог: рисовал патриотические открытки для фронта, писал статьи и обращения к защитникам города. Последней его работой стали иллюстрации к былине «Дюк Степанович»: художник изобразил русского героя-богатыря, который мощным ударом сокрушает врага. Когда немцы разбомбили дом художника, он перебрался жить вместе с другими профессорами в подвал Академии художеств. Этот подвал-бомбоубежище называли «профессорский дот». Исаак Бродский вспоминал о встрече

сиротливо стоял пустой трамвай, засыпанный снегом, у ног валялась сломанная решетка на бережной. Вдали в небе сверкали отсветы багрового пламени. Мимо промчалась пожарная машина, ухнула выстрел... Стояла какая-то мерзлая тишина, только снег поскрипывал под ногами. Эти места были памятны Ивану Яковлевичу. «Где-то неподалеку жил Александр Блок. Давайте читать его стихи... Чёрный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек...» Читал он тихо, размеренно, сбиваясь

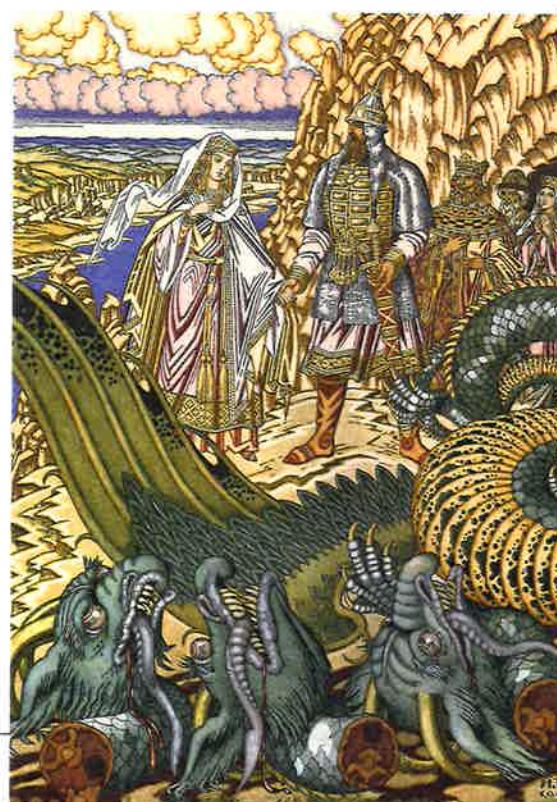
Билибин с женой страшно голодали. НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ИХ СПАСАЛИ ПРЯНИКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ХУДОЖНИКА

че с Билибиным в ту страшную блокадную зиму: «Обратно в Академию мы ехали на военном газике. Где-то возле Мойки <...> наша машина остановилась. Заглох мотор, и, пока шофер возился с ним, мы вышли на тротуар немного размяться. Вокруг было мрачно и безлюдно; силуэтом смотрелись темные громады домов,

и повторяя отдельные строчки и слова... Потом прочел я: «Над желтизной правительственные здания / Крутила долго мутная метель, / И правовед опять садится в сани, / Рукою захлестнув шинель...» «Это чье?» – как бы играя в литературные загадки, спросил я. «Осипа Эмильевича. А знаете, чертовски красив сейчас город.

▲ > ИЛЛЮСТРАЦИИ БИЛИБИНА к сказкам «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (вверху) и «Добрыня Никитич» (справа). 1940–1941 годы.

Russian Look (2), Wikimedia Commons (1), фонды Ивангородского музея (1)

Страшно красив. Нужно запомнить его таким и когда-нибудь написать... Ну что ж, давайте садитесь в сани... Стихи как будто про меня. Я ведь тоже правовед, окончил факультет права в Петербургском университете...»

Билибин с женой страшно голодали. Некоторое время их спасали пряники из коллекции художника. На этих пряниках пекари ставили рисунки Билибина, а потому он их собирали. Но пряники быстро кончились. На новый, 1942 год, обитатели «профессорского дота» решили устроить в новогоднюю ночь праздник. Зажгли свечи. Билибин прочел оду, которую сочинил к этому торжественному часу. Она так и называлась – «На 1942 год». Это были пронзительные, мощные стихи. Может, не очень совершенные с точки зрения поэтической, но кто тогда об этом думал, слушая уже не очень молодого, истощенного, как и они все, но такого красивого человека:

...Проходят дни, проходят годы;
Иссекнёт сей кровавый пир,

№3 галерея

◀ НЕЗАКОНЧЕННАЯ иллюстрация Билибина к былине «Дюк Степанович». 1941 год.

▲ АЛЕКСАНДРА Щекатихина-Потоцкая на Ленинградском фарфоровом заводе им. Ломоносова. Конец 1950-х годов.

Грядет весна, пройдут невзгоды,
И снова улыбнется мир.
...И мы, что в этом подземелье
Уж много месяцев сидим,
Мы снедью и питьем в веселье
Себе за глад сей воздадим!

После той новогодней ночи Иван Яковлевич Билибин прожил чуть больше месяца. Он умер в ночь с 7 на 8 февраля 1942 года от истощения. Его похоронили в братской могиле профессоров Академии художеств на Смоленском кладбище Петербурга. Шурочка в это время лежала без сознания – у нее была тяжелейшая пневмония. Но она выжила, дождалась Победы. Она была сильной, эта женщина, ставшая главной в судьбе художника Билибина. Александра Васильевна прожила до 1967 года, работала почти до последних дней, расписывала фарфор, участвовала в выставках.

Благодарим Marinu Tadeyevnu Bashkinu за помощь в подготовке материала